

**Сергей
АКСЕНТЬЕВ**
г. Севастополь

МЫ ВСТРЕТИМСЯ С ТОБОЙ НА ОСТРОВЕ ВАЙГАЧ...

Россия возвращается в Арктику: факт, требующий всестороннего осмысления феномена грандиозных свершений первопроходцев, обживавших в 30–40-х годах прошлого века полярные острова, пустынные побережья арктических морей, добывавших руду, прокладывавших ледовый тракт Северного морского пути. В этом ряду остров Вайгач являет достойный пример.

Остров каменных истуканов

Между южной оконечностью Новой земли и матерым берегом Югорского полуострова распласталась каменная туша острова Вайгач. Известный путешественник Василий Иванович Немирович-Данченко, побывавший на нем в конце XIX века, так описывал бесноватый характер проливов, отделяющих остров от суши: «Поразительную картину представляет Корсай (Карские ворота). <...> В этих узких дефилеях вода иногда мчится с невыразимою быстротою. Громадные льдины, заносимые сюда из океана западными и северо-западными ветрами, крошит вдребезги. <...> Плавание Югорским шаром было бы безопасно, если бы на нем не было одновременно двух совершенно противоположных течений: первое вдоль континента из океана в Карское море и второе вдоль Вайгача из Карского моря в океан. Фар-

ватер при этом определяется весьма неточно. Не говоря уже о рифах, усеивающих побережье острова. Корабль легко может попасть в течение, обратное своему кругу, и тогда его не выручат и паруса». Свой крутой нрав проливы в полной мере проявляют и в наши дни. Современная лоция предупреждает: «плавание в акватории острова в любую пору непредсказуемо и опасно». Аналитики отмечают его важное стратегическое значение, считая проливы восточными воротами в Карское море, а Вайгач замком, надежно их запирающим, и не без основания утверждают – кто владеет островом, тот владеет Полярным бассейном.

О происхождении названия острова существуют разные мнения. Голландские мореплаватели называли его «waaiengat» – «врата ветров», самым жутким и загадочным островом «Молочного» (Ледовитого) океана. По описанию одного из участников экспедиции Стефана Барроу (1556), искавшей

северо-восточный проход в Китай «...остров, окруженный со всех сторон кипящим океаном, своими черными острыми скалами, торчащими из бездны, более напоминал ад на земле, чем спасительную бухту для уставших от многомесячной борьбы с океаном пилигримов».

Некоторые ученые полагают, что название произошло от ненецкого «Вай Хабць», «земля смерти», другие, например известный специалист по ономастике В.А. Никонов, производят название от нарицательного ненецкого «вайгач», переводимого как «наносной, намывной, низменный». А вот географ С.А. Огурцов связывает его с именем русского промышленника помора Ивана Вайгача.

Первое достоверное описание острова произвели в июле 1826 года участники гидрографической экспедиции Ивана Никифоровича Иванова. Историки считают, что Вайгач был известен поморам бассейнов рек Мезени, Северной Двины, Печоры еще со времен заволоцкой чуди (XI–XIV вв). Промышляя морского зверя у южной оконечности Новой Земли и материкового берега Карского моря, они часто укрывались на нем от свирепых штормов. Как повествует предание, однажды самоедам, оставшимся зимовать на северной оконечности острова (мыс Болванский), явился из моря утес наподобие человека. Лик его напоминал лицо самоедки, и пришельца называли Хэдако (Старуха). Хэдако стала для дикарей Матерью Земли, покровительницей промыслов и защитницей от болезней. Другой идол, Вэдако (Старик), вскоре объявился в самой южной точке острова (мыс Дьяконова). Этот семиликий деревянный истукан считался покровителем охоты, оленеводства и домашнего очага. Его окружала свита небольших деревянных идолов, отдаленно напоминавших мужчин, женщин и детей.

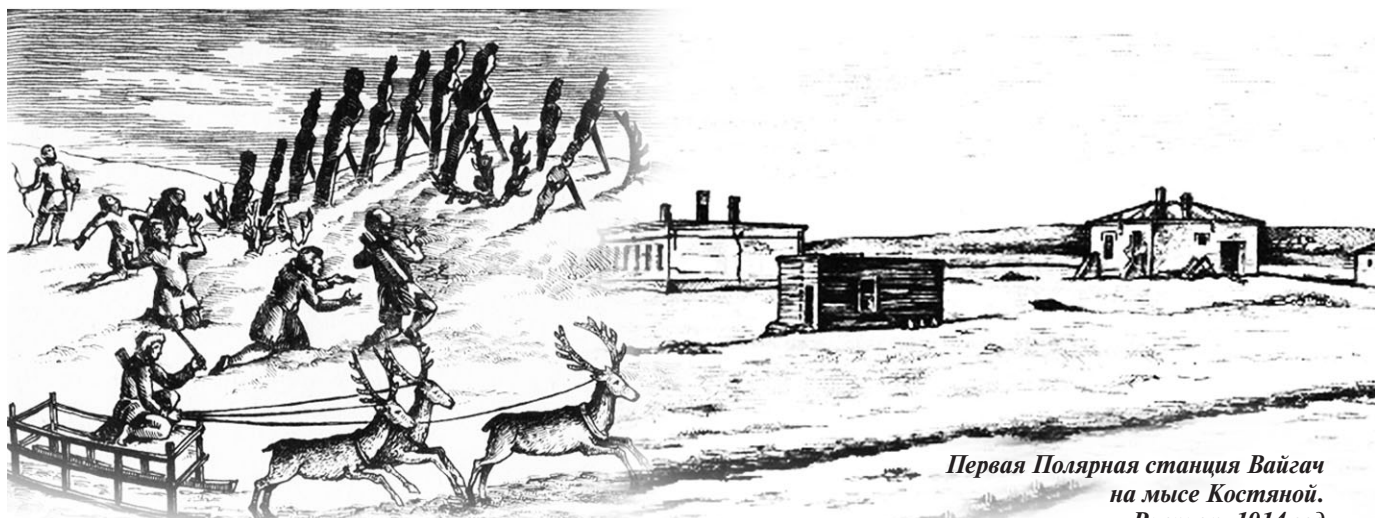
Недалеко от места, где появился Вэдако, в земле имелся пролом в виде естественного колодца, выходящего в пещеру, связанную с открытым морем. По рассказу архангелогородского архимандрита Вениамина, побывавшего летом 1827 года на Дьяконовском мысу: «Вой и гул, раздающийся в пещере во время сильных ветров, внушал самоедам суеверный ужас, и ... они благоговели пред этим местом». Именно сюда, считают краеведы, к священному провалу в земле, окруженному деревянными и каменными изваяниями, устремлялись перед началом промыслового сезона самоеды из Большеземельской тундры, Полярного Урала, Ямала и даже низовьев Оби. Каждый из прибывавших уставлял своего небольшого родового идола и совершал обряд кровавого жертвоприношения в

полной уверенности, что Хэз Сей наградит его удачей на промыслах и не оставит в беде. Постепенно идолы заволоцкой суши, а Вайгач на долгие века стал священным местом, где не только запрещалось селиться, но и охотиться, рвать траву и цветы, оставлять бытовой мусор, а женщинам – ходить без специальных железных пластин на обуви.

Первыми из европейцев самоедских идолов обнаружили в 1556 году участники экспедиции С.Барроу. Вот как вспоминает эту встречу сэр Уильям Рэндольф: «Скалистая земля сплошь была покрыта туманом. Он перемещался и кипел, поэтому нам с трудом удалось разглядеть то, что ожидало нас впереди. Ужасные изваяния из дерева и камня, представляющие собой человеческие изображения, вымазанные кровью, имеющие устрашающий вид, встретили нас на плато. <...> Самоеды, одетые в странные платья, сшитые, видимо, из шкур, появились из тумана. Сколько их было, сказать никто не мог. Но по тому, как они стояли, держа перед собой огромные луки и выставив вперед длинные колья, мы поняли: вперед нам пути нет». Высадившиеся 21 июля 1594 года на Вайгач моряки экспедиции Вильяма Баренца насчитали на острове порядка 300–400 деревянных и каменных идолов.

Ещё в конце XIX века художник Александр Александрович Борисов, много общавшийся с самоедами, пытался отговаривать их от жестоких и бессмысленных обрядов кровавых жертвоприношений. «Нехорошо, – наставлял он дикарей, – приносить человеческие головы Сядэю (Хэз Сею. – **Авт.**), это безнравственно и противно велениям Бога, но те отвечали: «Да потому-то мы и делаем это, что противно Богу. Ведь это мы делаем не для Бога, а для Сядэя. А дьявол любит, чтобы мы делали худо, и за это нам пригонит много зверя и рыбы». Археологическая экспедиция Л.П.Хлобыстина (1984–1987) установила, что некоторые самоедские идолы принадлежат разным древним культурам народов Севера и представляют историческую ценность, а начальник морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) историк Петр Боярский называет Вайгач единственным сакральным островом на Земле, имеющим «для истории человечества даже большее значение, нежели знаменитый остров Пасхи». Известный исследователь таинственной Гипербореи В.Н. Дёмин идет ещё дальше, утверждая, что остров Вайгач – одно из немногих мест зарождения земной цивилизации.

*Святылище на мысе Болванский, остров Вайгач.
Голландская гравюра XVI в.*

*Первая Полярная станция Вайгач
на мысе Костяной.
Рисунок, 1914 год*

Поселок Варнека

Первые вайгачские полярники

Вскоре после гибели в Порт-Артуре броненосца «Петропавловск» (31 марта 1904 г.) в Главный морской штаб из Парижа пришло письмо от известного полярного исследователя В.А. Русанова. «К сожалению, мы слишком мало знаем наши полярные области, – писал Владимир Александрович, – и, в частности, Северный Ледовитый океан, чтобы с полной уверенностью отве-

тить на столь важный теперь для нас вопрос: ежегодно ли освобождается ото льда полярное море вдоль всего северного побережья Сибири и как долго оно остается свободным? Неисследованность этого вопроса требует срочных мер по отправке в район Карского моря специальной экспедиции, оснащенной средствами и способами сколько возможно быстрой доставки депеш. Для этого не следует жалеть ни материальных затрат, ни личных сил, поскольку они несравнимы с воз-

Рудник на мысе Раздельный. 1932 г.
(Фото из альбома «ГУЛАГ»)

А.Ф.Дицкал.
Вайгач. 1933 г.

Начальник Вайгачской экспедиции Ф.И. Эйхманс (справа)
и его заместитель Э.П. Скяя.
(Фото из альбома «ГУЛАГ»)

П.В. Виттенбург.
Вайгач. 1933 г.
(Из архива Е.П. Виттенбурга)

Сортировка свинцово-цинковой руды.
(Фото из фондов архива УВД АО)

Строительство первых домов
в п. Варнек. Вайгач. 1930–1931 гг.
(Фото из альбома «ГУЛАГ»)

можно было перебросить наш флот через Северный Ледовитый океан из Атлантического океана в Великий и обратно». Однако лишь через семь лет после этого письма Государственный совет и Государственная дума одобрили, а император 26 мая 1911 года утвердил закон «Об отпуске из Государственного казначейства средств на устройство четырех радиотелеграфных станций на побережье Карского и Белого морей», а Товарищество асфальтового и бетонного производства

«Бодо Эрестофт К°» подрядилось «...из своих материалов и своими рабочими осуществить постройку зданий для радиостанций в Архангельске, Югорском Шаре, на острове Вайгач и на полуострове Ямал (Маре-Сале) с жилыми домами и кладовыми при них из бетонных пустотелых камней общей стоимостью 149601 руб. 42 коп.».

Первая партия рабочих прибыла на мыс Костяной на северо-западной оконечности острова Вайгач 1 августа 1912 года. Однако сильные

морозы, ударившие необычайно рано, вынудили вскоре прекратить все работы. На объекте зимовать остались два сторожа, Е.А. Лысков и А.И. Моргунов, имея годовой запас продуктов. Летом следующего года пароход «Дан», доставивший на остров грузы, строителей и партию монтажников, вышел встречать едва державшийся на ногах Е.А. Лысков. Высокий, широкоплечий и крепкий мужчина, каким знали его по прошлому году, оказался тяжело больным цингой. Его напарник А.И. Моргунов вообще не мог передвигаться и все дни лежал на полатях в бане.

Обеспокоенное этим ЧП руководство Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов (РОБТиТ) обратилось с письмом к главному врачу больницы Санкт-Петербургского почтамта с просьбой решить вопрос о выделении медицинских работников на станции, поскольку «в этих пунктах не только скорой, но и вообще какой-либо врачебной помощи служащим оказывать не представляется возможным». Ответ последовал в лучшем духе российской бюрократии: на первое время снабдить радиостанции популярным лечебником доктора С.Н. Алмазова «Полная народная школа здоровья», а пока создать особую комиссию с привлечением врачей и представителей радиостанций для выработки «комплектования необходимых для данного случая аптек»...

Официально радиостанции на острове Вайгач и в Югорском Шаре начали действовать с 1 февраля 1914 года, а пять месяцев спустя Санкт-Петербург захлестнул вал газетных публикаций о бедственном положении первых полярников. «Деятельность новых радиотелеграфных станций, – возмущался корреспондент «Нового времени», – началась с отчаянной телеграммы, сообщавшей, что все сторожа, как и предыдущие, оказались больны цингой. <...> В довершение всего в новых постройках, сделанных из пустотелого кирпича, царил страшный холод и их никак не удавалось натопить. На сделанный запрос о количестве провизии последовал ответ, что в наличии осталось 12 мешков муки, 88 пудов сухарей, 7,5 пуда масла, горох, крупа, немного консервов, кофе, какао. Словом, та провизия, которая обеспечивает вновь прибывшим в самом недалеком будущем цингу».

Как всегда в таких случаях, власти обвинили газеты в тенденциозности, а журналистов в некомпетентности, объяснив недомогание сторожей «неподвижным образом жизни и ленью, ходившей до нежелания приготовить себе пищу

и питавшихся преимущественно чаем, хлебом и сахаром». Однако побывавший годом позже на станции «Вайгач» архангельский инженер Почтово-телеграфного ведомства Н.П. Георгиевский отмечал: «На внутренних стенах зданий трещины местами значительны. Чиновники и сторожа рассказывали, что зимой, когда стояли многоградусные морозы, они топили печи-чугунки. Печи быстро накаливались докрасна, и температура в комнатах резко поднималась до 25 градусов и выше. В воздухе появлялся пар. Становилось жарко; стены отпотевали, и по ним струились потоки воды, замерзавшие ночью на стенах. Жили все время в шубах; отдыхать от сырого воздуха выходили на улицу. Пища была однообразная». Прибывшая на законсервированную радиостанцию в 1914 году очередная комплексная комиссия увидела просевшие здания, иссеченные трещинами, но строители упорно стояли на своем: «наиболее целесообразным типом зданий, пригодных для жилья и станционных помещений, хорошо сохраняющих тепло внутри, обладающих морозостойкостью, огнестойкостью и долговечностью, являются пустотелые бетонные конструкции». Наскоро сложенные кирпичные контрфорсы по углам здания, как только пригрело полярное солнце и земля под ними протаяла, отделились от стен, став совершенно бесполезными.

Но самое невероятное заключалось в том, что в штатные расписания полярных станций «забыли» включить гидрометеорологов, без которых наличие дорогостоящих радиотелеграфных «полярков» теряло всякий смысл. В мае 1914 года Министерство промышленности и торговли обратилось в Главное управление почт и телеграфов (ГУПиТ) с просьбой разрешить «за особое вознаграждение» почтово-телеграфным работникам, зимующим на Карских радиостанциях, производить необходимые гидрометеонаблюдения. Так сотрудники радиотелеграфных станций стали еще и гидрометеорологами.

Рудознаты

О богатстве недр Вайгача знали со времен царя Алексея Михайловича. Хроники сообщают, что в 1666 году «пустозерский стрелец Федька Мартемьянов Шадра в съезжей избе подал воеводе Пустозерского острога Василию Григорьевичу Дикову «отыскную руду». <...> ее послали в Москву, а оттуда пришел приказ «руды той отыскать пудов пять или шесть и места описать нынешнюю зи-

мой». Приказ выполнили, но что за руду отыскивали на Вайгаче, мы, к сожалению, не знаем.

Мезенский краевед Николай Окладников обнаружил, что спустя столетие крестьянин Кеврольского уезда Илья Дворяншин летом 1776 года на северо-западном берегу острова Вайгач нашел неизвестную руду («снаружи белая, а внутри казались звездки и имеет тяжесть»), но образцы по пути в Пустозерск утерял. В июле 1777 года его доставили на Вайгач. Там он в присутствии купца Ивана Черцова и солдата Пустозерского воинского гарнизона указал место, где нашел руду. Осмотрев привезенные с острова образцы, архангельский губернатор Е.А. Головцын 23 марта 1778 года отправил их в Берг-коллегию. И опять осталось неизвестным, что за руду привезли с Вайгача и какова дальнейшая судьба рудознатца.

Затем наступил долгий «сезон молчания», пока в 1921 году геологическая партия под руководством Нестора Алексеевича Кулика не обнаружила на юго-западном побережье острова Вайгач (бухта Варнек, район мыса Раздельный) месторождение полиметаллических свинцово-цинковых руд, представлявших, по убеждению Кулика, промышленное значение. Год спустя экспедиция АН СССР под руководством Александра Константиновича Шенкмана подтвердила официально этот факт в итоговом отчете: «Найденные четыре группы жильных поясов с очевидными запасами, заслуживающими промышленной разведки и дальнейших разведочных и поисковых работ».

Уже в 1930 году вышло закрытое постановление правительства о создании специальной Вайгачской экспедиции ОГПУ под руководством первого начальника Главного управления лагерей ОГПУ Федора Ивановича Эйхманса, имевшего большой опыт работы с заключенными в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Его заместителем стал бывший начальник охраны Смольного (1917–1918) капитан ОГПУ-НКВД Эдуард Петрович Ская. Научно-изыскательскую часть экспедиции с 1931 года возглавил известный геолог и географ профессор Павел Владимирович Виттенбург, ожидавший приговора по «делу Академии наук». Ему инкриминировали участие в монархическом «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России» и «вредительство в области экспедиционных исследований». Тройка ОГПУ при ЛВО 11 февраля 1931 года определила Виттенбургу высшую меру наказания – расстрел (Ст. 58-2, 10, 11 и 14 УК РСФСР), но ввиду особой важности Вайгачской

экспедиции приговор пересмотрели, заменив расстрел 10 годами лагерей. Перед экспедицией стояла архитрудная задача: через три месяца наладить промышленную разработку свинцово-цинковой руды на мысе Раздельный.

Лагерь и его обитатели

Первые 132 человека Вайгачской экспедиции во главе с тридцатитрёхлетним латышом Федором Эйхмансом высадились на берегу бухты Варнека в середине июля 1930 года, а уже через два месяца там появились первые казармы для заключенных, жилые дома для сотрудников экспедиции и служебные постройки управления лагеря. На рейде в постоянной готовности к вылету дежурил гидросамолет «Дорнье-Валь» полярной авиации «Комсеверпути». Летчики Матвей Козлов и Анатолий Алексеев в круглосуточном режиме производили ледовую разведку и проводку судов обеспечения, доставлявших на остров строительные материалы, оборудование, продовольствие и заключенных.

В отличие от полярной радиостанции на мысе Костяном, в бухте Варнека жилые дома, казармы и служебные постройки возводили из тщательно высушенных строганых сосновых бревен. На архангельских заводах их собирали, подгоняли все венцы, нумеровали бревна и в разобранном виде отправляли на Вайгач. Там бригада плотников в течение 7–10 дней строила здание. Дома получались теплыми и сухими.

К концу сентября на мысе Раздельном заложили первые шурфы двух шахт глубиной до 20 метров по четыре штольны с боковыми штреками протяженностью по 800 метров и незамедлительно приступили к круглосуточной добыче крайне необходимой для промышленности руды. Освещались забои поначалу самодельными копилками, т.к. в суматохе погрузки в Архангельске забыли отправить на остров шахтные лампы. Их доставили на собаках через Печеру лишь в декабре 1930 года. Всеми работами руководил лично Эйхманс. С зари и до глубоких сумерек он появлялся на разных строительных объектах в сопровождении молодой немецкой овчарки по кличке Вайгач, подаренной, как утверждала лагерная молва, «близким другом Советской России» американским бизнесменом Армандом Хаммером.

Вторая большая партия заключенных численностью 202 человека прибыла на остров 10 августа 1931 года. Среди них был и сорокасемилетний научный руководитель экспедиции профессор

Павел Виттенбург. К началу второй зимовки на возвышенности бухты Варнека уже располагался хорошо обустроенный поселок с прекрасным двухэтажным клубом – гордостью вайгачан, лазаретом, радиостанцией, баней, хлебопекарней, магазином, которому по изобилию продуктов мог позавидовать любой магазин в крупном городе на материке. Бесперебойно работали обогатительная фабрика и дизельная электростанция.

Вайгачская экспедиция вступила в пору ритмичной работы, и необходимость дальнейшего пребывания на острове Ф.И. Эйхманса отпала. В октябре 1932 года он, передав дела и обязанности новому начальнику Вайгачской экспедиции сотруднику ОГПУ-НКВД дивизионному комиссару Александру Федоровичу Дицкалну, убыл в Москву на должность заместителя начальника 9-го отдела ГУГБ-НКВД СССР (шифровальная и дешифровальная служба и радиоразведка).

...Это был особый лагерь, каких в разветвленной сети ГУЛАГа, охватившей в 30–50-е годы весь Заполярный Север от Кольского полуострова до Камчатки, насчитывались единицы. Исключительность его состояла не только в тщательно продуманном строительстве, качественном быте зимовщиков, сбалансированном подборе контингента осужденных, но и в специфике решаемых задач. Кроме промышленной добычи свинцово-цинковой руды на мысе Раздельном и меди в районе губы Долгая, геолого-разведочные партии постоянно занимались, и небезуспешно, поиском драгоценных металлов и ценных минералов не только на острове, но и в районе Амдермы. Бывший вайгачский лагерник, а многие годы спустя – популярный народный артист РСФСР Вацлав Дворжецкий в своей книге «Пути больших этапов» приводит любопытные сведения. Например, о том, что профессорами Виттенбургом и Сущинским, с разрешения лагерного начальства, из числа наиболее крепких, грамотных и инициативных молодых заключенных была организована плановая профессиональная подготовка специалистов среднего звена для камеральной обработки и петрографии. «Мы собирали образцы породы, – пишет Дворжецкий, – при этом <...> часто встречались золотые самородки. <...> Когда выдавали новую телогрейку, старую отбирали и тут же сжигали в специальной печке, вентилятором сдували золу, а расплавленное золото оставалось на поддоне из керамики. Иногда немало оставалось. Часто обнаруживались и россыпи благородных камней: рубинов, изумрудов, яхонтов, аметистов, горного хрусталя». Кроме руды, двадцатидвухлетний заключенный по особому

распоряжению начальника лагеря изучал быт аборигенов, их сакральные тайны, древние артефакты и магию шаманского колдовства. «Я изучил язык ненцев, – рассказывает Дворжецкий, – ездил на оленьих упряжках по стойбищам, присутствовал на ритуале «священного жертвоприношения» у «пропасти жизни». <...> Святое место! Туда никто не ходил – боялись».

Интересные штрихи лагерного быта сообщает другой колонист – Константин Гурский, отдавший четыре года (1933–1936) острову. «В магазине, – пишет он в книге «Мой Вайгач», – заключенный наравне с вольнонаемными имел право всегда купить не только колбасу, сыр, масло, шоколад, но и мужские костюмы, в которых посещали клуб. Я сам ходил в костюме, купленном на Вайгаче. В поселке не было разграничения между заключенными и вольнонаемными. Все жили рядом, работали вместе и свободно общались». Уже в конце 1932 года заключенные высококлассные специалисты в качестве поощрения за хорошую работу получили возможность вызова на Вайгач своих семей, которые размещались в отдельных домах на две-четыре семьи. Жен, имевших профессию, устраивали на работу. Например, жену профессора Виттенбурга, врача по профессии, приехавшую на остров с одиннадцатилетней дочерью, начальство охотно приняло на должность терапевта лагерного лазарета.

Дочь Виттенбурга Евгения Павловна рассказывает: «Мама сразу включилась в работу санчасти. <...> При медицинском осмотре уголовников (основная часть лагерного контингента. – Авт.) великолепные копии с картин, большей частью В.В. Верещагина, открывались на груди и спине пациентов, вытатуированные мастерами своего дела. Мама говорила, что стоило немалого труда не засмотреться. <...> Уголовники замечательно владели искусством симуляции, поэтому приходилось постоянно быть начеку. Интересно, что суровый арктический климат не способствовал простудным заболеваниям. Люди мокли под дождем, проваливались в воду и – ни насморка, ни кашля».

В доме специалистов, где профессору Виттенбургу с приездом семьи выделили две смежных комнаты, было уютно и тепло. Об этом заботился постоянно живший в пристройке пожилой заключенный из Харбина. «Родители, – вспоминает Евгения, – с утра уходили на работу, а я по определенным дням посещала школу. Так как дети были разного возраста, то со мной одной занимались учителя – заключенные. Физикой и математикой – один, русским языком и литературой – другой,

немецким языком – третий. Это были четвертый и пятый классы средней школы. В результате по возвращении в Ленинград я поступила в тот же класс, который оставила, уезжая, но он теперь уже был шестым...»

Пусть этот рассказ не покажется читателю лубочной картинкой, красивым лагерным мифом или, более того, желанием автора подсластить горькую историческую пилюлю ГУЛАГа. Нужно самому пожить, а я отдал в начале 60-х годов прошлого века собрату Вайгача острову Кильдин шесть незабываемых лет, чтобы понять прагматизм и логику руководителей Вайгачской экспедиции, обустроивавших быт небольшой колонии на берегу богом забытого полярного острова. Задачи, которые предстояло решить, иными методами реализовать просто невозможно, и тупая сила здесь не советчик. Перед полярной стихией с бесконечными лютыми штормами, адскими холодами, затяжной полярной ночью, разъедающей психику, дикой природой все равны, и наплевательского отношения к людям Крайний Север никогда не прощал, пример тому – первые радиотелеграфные полярные станции. Но если там чиновникам, как обычно, все сошло с рук, то данный случай – особый. Провал Вайгачской экспедиции ОГПУ для них означал одно: незамедлительный расстрел. А страх, как известно, заставляет инстинктивно принимать защитные меры.

... И все же это был лагерь, с жесткой дисциплиной, вымуштрованной охраной, оперативным отделом ЧК, карцером в заброшенной шахтной разработке, прозванным заключенными «могилой», следственным изолятором, наказаниями в виде увеличения сроков за совершенные проступки. И, конечно же, тяжелой круглосуточной работой на рудниках. «За бухтой Варнека, – вспоминает Вацлав Дворжецкий, – в десяти километрах от лагеря свинцовые, цинковые рудники. <...> Рудники жуткие! Людей в ствол спускают «бадьей», вручную, коловоротом, как в колодец. Вагонетки, груженные рудой, выкатывают наверх тоже вручную. В забоях орудие шахтера – отбойный молоток (компрессор снаружи), освещение – лампочка на каске. Крепление слабое – вечная мерзлота, «жила» узкая – в забое работаешь лежа киркой. <...> Этот каторжный труд, суровый арктический климат, пустынный каменный остров, особенно унылый в осеннюю и зимнюю пору, выдерживали не все». Много людей гибло в рудниках, то из-за обвала породы, то из-за обрыва клетки с горняками, а то сорвавшаяся со стопоров вагонетка с рудой подавит людей.

Однажды осенью на глазах у всего поселка в каких-то десятках метров от берега погибла партия шахтеров, морем возвращавшихся с Раздельного. Карбас, увязнув в сале (каша из ещё не смерзшегося льда), не смог подойти к причалу. Все попытки помочь обреченным оказались безуспешными. Крепчавший мороз и налетевшая метель заглушали жуткие крики о помощи. «Только через две недели, – сообщает Дворжецкий, – когда лед окреп, вырубили их, уложили в штабеля, закрыли брезентом – временная могила. Летом схоронили в пустых шурфах, они и сейчас там целенькие – вечная мерзлота...»

Конец Вайгачской экспедиции

Судьба Вайгачского рудника оказалась недолгой. Уже в марте 1934 года в один из промежуточных штреков шахты Раздельная стали поступать криопэги – подземные соленые воды с отрицательной температурой. К 16 марта 1935 года дебит притока составил 147 м³/час, и рудник оказался полностью затоплен до уровня воды в бухте Варнек. Случилось то, чего больше всего опасался Виттенбург: скальные породы, изрезанные прослойками ископаемого льда, и трещиноватый известняково-доломитовый массив не выдержали проходческой нагрузки.

Работы в забоях срочно прекратили. Рудник перевели на мокрую консервацию, 1100 человек заключенных, оставленных на зимовку, приступили к демонтажу оборудования и переброске его на Амдерминское флюоритовое месторождение. По мере высвобождения людей отправляли на строительство железной дороги Воркута – Югорский Шар, часть вывезли с Вайгача в Архангельск на строительство железной дороги Исакогорка – Молотовск (ныне Северодвинск), часть перевели на рудник в Амдерму.

Последнюю партию заключенных зимой пешим путем отправили с острова в Воркуту. Этот тяжелейший переход выдержали немногие...

Покинутый остров

Профессор Павел Владимирович Виттенбург 12 июля 1935 года был освобожден из заключения «по отбытию срока с полярным зачетом». Он вновь вернулся на Вайгач в апреле 1940 года, возглавив Вторую Вайгачскую экспедицию в должности старшего геолога Арктического института. Предстояло произвести повторную

всестороннюю прогнозную и промышленную оценку рудных и ценнокаменных месторождений острова. Однако вторжение фашистских войск в нашу страну перечеркнуло все планы. В проливах и акватории острова Вайгач появились немецкие подводные лодки, и 17 октября 1941 года экспедицию эвакуировали в Архангельск.

В сентябре 1950 года на мысе Болванский нос, что примерно в 13 километрах северо-восточнее прежней радиотелеграфной полярки, открыли новую метеорологическую станцию МГ-2 имени академика К.Е. Федорова. На ней 13 сентября 2009 года начальник полярки в пылу возникшего конфликта убил своего подчинённого. Вслед за этим ЧП в декабре того же года из-за неопытности и пьянства механиков оказалась размороженной вся отопительная система станции, и людей пришлось срочно эвакуировать на материк, а станцию законсервировать. Её расконсервовали лишь в 2012 году после ремонта и замены неисправного оборудования. В настоящее время станция работает в круглогодичном режиме.

Дальнейшая судьба уникального острова неопределенна. Сейчас в поселке на берегу бухты Варнека в 23 трех домах обитает около ста человек, выживая в основном охотой и рыбной ловлей. На острове давно уже нет школы, да и учить детей некому, поэтому к первому сентября всех немногочисленных школяров свозят в школу-интернат Нарьян-Мара. Молодежь, не имея перспектив, покидает остров, а старики обреченно доживают свой век.

С 2007 года Вайгач объявлен заказником

областного значения. Путешественники, побывавшие на острове, сообщают, что сейчас идолов на острове практически не осталось, те, что сохранились в труднодоступных для посещения местах, либо повалены, либо находятся в жалком состоянии. Местные жители, охотно показывающие их за вознаграждение, к сожалению, почти ничего не могут рассказать об их предназначении, поскольку плохо знают историю своих предков. Что же до перспектив геологоразведки знаменитых вайгачских руд, то сообщений на сей счет на сегодня не имеется.

Некоторые ученые и специалисты предсказывают оживление острова Вайгач с началом промышленной разработки Штокмановского газоконденсатного месторождения у юго-западного побережья Новой Земли и возрождением функционирования Северного морского пути. Поживем – увидим. Главное, в пылу технического бума не потерять уникальный остров с его неразгаданными тайнами и надежно упрятыми природой подземными богатствами...

Фото предоставлены автором

Сергей Терентьевич АКСЕНТЬЕВ –

уроженец г. Челябинска (1940).

После окончания Черноморского высшего военно-морского училища

им. П. С. Нахимова в Севастополе (1964)

был направлен на Северный флот (о. Кильдин).

Преподавал в Бакинском и Черноморском училищах,

сейчас — ведущий научный сотрудник

научно-исследовательской лаборатории, кандидат технических наук,

автор более ста научных работ, в том числе и патентов на изобретения.

Публиковался в периодической печати Севастополя и Крыма,

журналах «Север», «Странник».

Член Союза журналистов России с 2006 года.

